

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Серия «Психология»
2014. Т. 10. С. 67–75
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 159.99

Смерть как феномен мышления и познания жизни человеком

В. В. Козлов

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова, г. Ярославль
E-mail: kozlov@zi-kozlov*

Аннотация. В серии статей содержится описание представлений, установок, мифов в истории человечества и научных исследований феномена смерти. Говорится о психологических механизмах осмысления жизни через уроки смерти, духовные искания человека в процессе жизни через переживание состояния умирания.

Ключевые слова: смыслы жизни, феномен смерти, состояние умирания, духовный поиск, психология смерти, жизнь и бессмертие, трансперсональные переживания.

Из моего окна – звезды висят на ветках берез.
И мне ненасытно хочется смотреть на это.
И жить, жить, жить бесконечно.
В. Козлов. Ноябрь, Ангара, 2013

Ничто не привлекает человека так сильно и так сильно не пугает, как смерть, а проблема умирания и послесмертного существования предельно личностно значима для каждого живущего на земле.

Это происходит не только потому, что рано или поздно всем нам придется покинуть этот мир и отправиться за грань земного существования, но и по причине, с одной стороны, обыденности и, с другой, – глубокой тайны смерти, с которой мы сталкиваемся ежедневно.

«Обыденность смерти» – звучит достаточно необычно, но только в России в год умирает более 2 млн человек, 70 % из которых – от болезней сердечно-сосудистой системы и рака. От самоубийств умирает 60 тыс. человек в год (164 человека в день), автокатастрофы уносят 35 тыс. человек в год (95 человек в день), а пожары – 18 тыс. человек в год (49 человек в день). Так, каждую минуту в России умирает 4 человека, и это не всегда происходит рядом с нами. Но со смертью мы сталкиваемся ежедневно в кино, в разговорах, в средствах массовой информации, так как вести о смерти, особенно в больших количествах, являются почему-то наиболее привлекательными не только в СМИ, но и в бытовых разговорах.

Тайна смерти является настолько глубокой и затягивающей, что, столкнувшись с ней в возрасте 5 лет, по сей день, в течение 50 лет своей жизни автор остается в ее власти, притягивающей его своей невозможностью для понимания.

Тысячи бесед с другими людьми, анализ различных текстов и ритуалов, мифов и сказок, философских эссе и научных танатологических исследований показывают глубину этой тайны, невозможность ее превозмочь умом и рациональностью.

З. Фрейд еще в 1919 г. писал о том, что едва ли существует какая-либо иная область, где мышление и наши чувства с незапамятных времен изменились столь мало, а древнее под тонкими покровами сохранилось так хорошо, как в нашем отношении к смерти.

Думаю, что ситуация за сто лет не изменилась.

Несмотря на интерес многих мыслящих людей к этой важной проблеме бытия, литература на русском языке, посвященная смерти, весьма малочисленна.

Причина не столько в том, что сама по себе проблематика смерти очень многопланова и многоуровневая. Отдельные монографии и статьи чаще всего касаются определенных аспектов и сторон этой таинственной сферы исследовательских интересов. Потому-то нам и захотелось собрать самые разнообразные материалы, предоставив читателям возможность ознакомиться с различными, порой противоположными и весьма дискуссионными ответами, предлагаемыми разными авторами на загадку смерти и умирания.

Смерть всегда представлялась мне наивеличайшей тайной бытия, и в силу беспредельного своего любопытства я не только проанализировал множество книг и статей по этой теме, но и познакомился с самыми разнообразными ритуалами смерти и отправления обрядов сопровождения умирающих в мир иной.

Нельзя сказать, что отношение к смерти является священным и возвышенным во всех культурах. В тех местах, где есть глубокое осознание факта тотальной связанности жизни и смерти, бытия и небытия, рождения и умирания, к смерти и погребению относятся не более сакрализованно, чем вспахиванию земли или уборке риса.

Но ведь не так уж много в жизни человека событий, имеющих столь огромное значение, как процесс умирания и смерть. Каждому приходится переживать кончину близких родственников и, наконец, столкнуться с фактом собственной бренности и биологической смертности.

Бесспорно, проблема смерти является всевозрастной. Тем не менее именно для пожилых и престарелых людей она не представляется надуманной, преждевременной, трансформируясь в проблему естественной смерти. Для них вопрос об отношении к смерти переводится из подтекста в контекст самой жизни, наступает время, когда в пространстве индивидуального бытия начинается отчетливо звучать напряженный диалог между жизнью и смертью, осознается трагизм временности.

Актуализация танатологических размышлений обусловлена не только патологическими изменениями, ведущими к ухудшению здоровья и повышению вероятности смерти, но и особенностями образа жизни старого человека.

К последним можно отнести определенную монументальность внутренней субъективности, дистанцированность от сиюминутных социальных раздражителей, существенное ослабление мотивов достижения успеха, комфорта, карьеры. Человек, освободившийся от всего тривиального и поверхностного, может сконцентрироваться на сфере глубинного и существенного. В нашей культуре люди только начинают осознавать, что есть нечто, постигаемое через контакты с престарелыми и умирающими.

Тем не менее старение, смертельные болезни и умирание воспринимаются не как составные части процесса жизни, а как полное поражение. Непонимание ограниченности наших возможностей управлять природой болезненно. С точки зрения философии прагматизма, подчеркивающей значение достижений и успеха, умирающий является потерпевшим поражение.

Отношение современной медицины к престарелым и умирающим определяется непреклонным стремлением всеми возможными способами побороть смерть и отсрочить ее наступление. В этой борьбе за механическое продление жизни любой ценой очень мало внимания обращается на то, каковы последние дни умирающего. Многих из них окружают капельницы, кислородные подушки, приборы контроля над важнейшими функциями организма. Часто медицинский персонал и члены семьи отвлекают от проблем, непосредственно связанных с ситуацией, обольщая больного несбыточными надеждами. Все это еще больше усиливает чувство изоляции и отчаяния, испытываемое умирающими, многие из которых инстинктивно ощущают окружающую их ложь.

Религия, способная быть значительной поддержкой для умирающего, в значительной степени утратила смысл для среднего человека. Западные религии низведены до уровня формализованных обрядов и утративших внутренний смысл церемоний. Взгляд на мир, выработанный наукой, базирующейся на материалистической философии, усиливает тяжесть положения умирающего. Ведь согласно такому подходу за пределами материального мира ничего не существует. Физическое уничтожение тела и мозга есть необратимый конец человеческой жизни.

Сейчас наша социальная структура, равно как и философия, религия и медицина, почти ничего не может предложить для облегчения душевных мук умирающего. Пожилые и престарелые люди, как правило, опасаются не самой смерти, а возможности лишеного всякого смысла чисто растительного существования, а также страданий и мучений, причиняемых болезнями. Можно констатировать наличие двух ведущих установок в их отношении к смерти: во-первых, нежелание обременять своих близких, во-вторых, стремление избежать мучительных страданий. Поэтому многие, находясь в подобном положении, переживают глубокий и всеохватывающий кризис, затрагивающий одновременно биологические, эмоциональные, философские и духовные стороны жизни. Однако психиатры, психологи, социальные работники, как ни удивительно, до недавнего времени не называли эту область в числе приоритетных при оказании квалифицированной помощи остро нуждающимся.

Непонимание проблем, связанных с отношением к смерти, эмоциональные барьеры и даже сам характер социальных и медицинских учреждений определяют невозможность для большинства членов нашего общества осознанно принимать участие в процессе кончины. Это равно относится к умирающим и к их друзьям и близким.

Волна профессионального интереса к практическим и теоретическим аспектам процесса умирания привела, в частности, к появлению научного труда Элизабет Кюблер-Росс «О смерти и умирании», выполненного на факультете психопатологии Университета Чикаго. В этом труде содержатся многочисленные доказательства того, как часто люди, находящиеся на смертном одре, остро нуждаются в искренних человеческих контактах и психотерапевтической помощи. Она подчеркнула важность открытого и честного общения с умирающими, готовность последних обсуждать любые психологически близкие им темы. В результате подобного подхода они могут научить остающихся в живых важным вещам, относящимся не только к заключительным фазам жизни, но и проблемам работы человеческого сознания, а также к некоторым редким аспектам нашего существования вообще. Кроме того, данный процесс обогатит его участников и, возможно, снизит уровень их тревоги относительно собственной смерти.

В связи с этим важным представляется осмысление социально-психологических механизмов адаптации человека к феномену смерти.

Речь идет и о системе психологической защиты, определенных моделях символического бессмертия, и о социальной апробации смерти – культе предков, поминальных обрядах, похоронных и мемориальных службах и о просветительских программах проповеднического характера, в которых феномен смерти становится темой раздумий и духовных поисков.

Культура сопереживания смерти другого человека выступает неотъемлемой составляющей общей культуры как личности, так и общества в целом. При этом совершенно справедливо подчеркивается, что отношение к смерти служит эталоном, индикатором нравственного состояния общества, его цивилизованности. Важно создать не только условия для поддержания нормальной физиологической жизнеспособности, но и предпосылки для оптимальной жизнедеятельности, удовлетворить потребность пожилых и престарелых людей в знаниях, культуре, искусстве, литературе, часто выходящих за пределы досягаемости для старших поколений

Данное сочинение возникло как плод долгих размышлений и занятий, глубоких исследований при помощи самых изощренных танатологических практик автора, для которого тема смерти стала сквозной для всей жизни в течение 50 лет.

Конечность человеческого существования неотвратимо ставит вопрос о смысле земного удела, о предназначении жизни, о смысле и сути бытия человека. Несомненно, проблема смерти относится к числу фундаментальных, затрагивает предельные основания бытия. И я уверен, что полноценное становление личности предполагает осмысление смерти и принятие ее реальности в развитии на протяжении жизни.

Даже не вовлекаясь в процесс духовного поиска и самосовершенствования, мы, так или иначе, задумываемся о таких вещах, как смысл человеческого существования, смерть и возможность посмертного существования, обращаемся к категориям фундаментальных законов бытия и трансцендентным измерениям. Смерть является предельным вызовом, и она ставит человека в уникальные условия и предлагает проблему духовного содержания, которую человек должен решить, чтобы развиваться дальше.

Смерть нельзя «переступить» или как-то избежать ее дыхания в процессе развития человека. Сложен и могуч вызов смерти для человека, и кажется, что нет разрешения этому вопросу. Многие, лишь встретившись с этим глубинным фундаментальным вызовом, не выдерживают тяжести и давления и пытаются убежать и спрятаться в своем прежнем механистичном мышлении и поведении, которое диктует общество, пытаясь вернуть себе прежнее спокойствие и устойчивость. Что уже не удастся. Трусость и бегство не помогают в данной ситуации. Этот предельный вопрос существования человека время от времени вновь заполняет сознание человека, вызывая беспокойство, тревожность, неудовлетворенность своей жизнью, апатию, депрессию и другие негативные чувства.

В ситуации вызова смерти само существование человека представляется для него большой проблемой. Человек видит, что жизнь его состоит из двух точек: момента рождения и момента смерти, и не он определяет эти точки. Между ними проходит линия жизни, и эта линия – тоже загадка для человека. Как и зачем он должен ее пройти? В чем смысл его существования? Что он должен сделать и нужно ли что-либо делать, ведь конец один – смерть и уничтожение. Осознавая себя и свою жизнь, человек понимает свою ограниченность и неопределенность своего существования. Все эти и другие вопросы человек решает для себя. Он должен постоянно давать себе отчет о самом себе и о смысле своего существования. Но все же основная экзистенциальная проблема, встающая перед человеком, это проблема жизни и смерти.

Каждый человек смертен. И он отличается от животного осознанием своей смертности, конечности своего существования. Смерть является противоположностью жизни, и человек сталкивается с проблемой этой противоположности. Человек осознает факт своей неизбежной смерти, и само осознание глубоко влияет на его жизнь. Именно это ощущение и заставляет появиться в поле человеческого осознания различных экзистенциальных вопросов.

Духовный кризис, который часто вызывается смертью, это «сумерки Богов», «вечер души», когда есть невнятное понимание основных смыслов существования и неясное видение базовых ценностей, потеря добродетели, который может закончиться новым рассветом, возрождением или же, нескончаемой ночью, духовной смертью. Это зависит от конкретных решений этих вопросов. Хотя есть и еще выход – попытаться забыть и не замечать эти вопросы, но такое решение останавливает развитие и не дает перешагнуть через определенный рубеж.

Многие, с кем я жил, уже умерли. Умерли мои родители и старший брат, племянники и племянницы, дяди и тети.

Передо мной открыты врата смерти, и я первый в очереди.

В то же время **пока** мое сознание еще ясно и силы во мне бушуют.

Я подумал, что о смерти надо писать, когда ты полон жизни.

ЗНАКОМСТВО

Знакомство человека со смертью отличается на разных этапах жизни. Как любое знакомство, оно является знакомством не до конца и обладает определенной поверхностностью.

– ... Здравствуйте, меня зовут Ольга ...

– Здравствуйте, а меня Владимир.

Сейчас я вспомнил, как мы познакомились со своей женой на Первомайском бульваре Ярославля рядом с Красной площадью 33 года назад.

Я узнал, как ее зовут.

В знакомстве со смертью тоже есть та стадия, когда мы узнаем, как ее зовут, а затем, когда она нас задевает, задевает переживанием, мы ее начинаем мыслить, наполняя чувством, образом, отношением, пониманием...

Но так же как при любом знакомстве, начиная мыслить ее, мы должны понимать, что содержание нашего мышления может слабо соотноситься с содержанием нашего мыслимого объекта.

И что чувства наши изменчивы по отношению к ней.

И ее образ меняется, как и отношение.

А мое понимание всегда содержит массу непонятности.

И вот ведь живу с женой 33 года.

И обречен ее мыслить намного глубже и чаще, чем смерть, но могу признать честно, что я ее не знаю.

И в 17 она была для меня тайной.

И ей 50 – она так же остается тайной.

Я знаю, как ее зовут.

И сейчас я точно знаю, что Адам никогда не смог познать Еву.

Адам мог ее мыслить и иногда думать, что он ее понимает. Это не означает, что он ее понимал. Он просто думал.

Так же, как я знаю, как зовут смерть.

Мне кажется иногда, что со смертью я знаком не 50 лет, а много миллионов лет (так стара моя душа), но в силу поверхностности или, может быть, глупости, а может, слабости своего сознания никак не могут ее понять и принять в полноте.

Смерть для меня остается тайной и сегодня.

Но не меньшей и не большей тайной, чем моя жена, любовь, что думает собака Светы Перминой, когда смотрит мне в глаза, или почему раз в три месяца мой кот Сидарта наполняется ко мне безумной нежностью и лижет мне лицо – то ли я такой хороший бываю раз в 3 месяца, то ли особый ветер дует во дворе, то ли раз в 3 месяца он слышит приказ любить меня бесповоротно от сво-

ей прабабушки, дух которой живет в хрущевском холодильнике в моей квартире на Первомайской или в созвездии альфа Центавра ...

Когда начинаешь мыслить мир, он наполняется тайной.

И в этом удивительная красота, и она наполняет меня жаждой жить, и быть, и мыслить.

И смерть может быть прекрасна, как любовь, и совершенна, как божество или ночные звезды в ясном августовском небе.

Как мир, как жизнь, как бог и как наше бытие – смерть обладает полнотой тайны.

Но не больше и не меньше, чем все остальное.

И потому продолжим наше знакомство со смертью, как с соседской девушкой.

ШЕПОТ СМЕРТИ

С одной стороны, существует некая процессуальная инициация в смерть, когда мы усматриваем проявление смерти в привычном потоке жизни, улавливая «малые смерти» повседневности, наблюдая за агонией птички, мухи, встречаясь с похоронной процессией, воспринимая болезнь другого и немощ старости. Символы торжества и красоты смерти мы можем увидеть в осеннем листопаде, затухающем костре, закате солнца, замерзающей реке и падении звезды.

Чтобы не быть голословным, приведу текст медитации на огонь, который записал некоторое время назад.

«Уже было поздно, около двенадцати ночи. Моя медитация на огонь заканчивалась. Но заканчивалась не потому, что я хочу, хотя и это, конечно, присутствует, а потому, что костер тухнет.

Еще не тухнет, он еще жаркий. Это уже не похоже на мужика в силе, это похоже на крепкого старика. Угли еще сильные, и еще можно долго протянуть, но уже гореть нечему, нет яркого пламени. Все существует за счет внутренней потенциальности, уже есть стремление к экономии – к экономии энергии, к экономии времени, к экономии сил. Единственное, что остается, это иногда заблестеть ярко, иногда не так ярко, но при этом только поддерживать внутренний жар.

Мне еще далеко до этого возраста, лет двадцать. Я еще могу гореть очень сильно. Но через двадцать лет, я точно знаю, придет это время, и затем все будет так же, как с этим костром, – постепенно все будет больше и больше золы. Постепенно так же, как дрова превращаются в серый пепел, постепенно и в моем теле все будет больше и больше смерти и все меньше и меньше жизненности. И в конце концов так же, как и у этого костра, какие-то части станут мертвыми.

Может быть, это будет касаться чувств, может, это будет касаться телесной жизни, может, это будет касаться секса, может, это будет касаться мышления, памяти или зрения, или слуха ...

В конце концов, какая разница, когда и в каком месте появляется пепел у человека. Понятно, что картина разная с пеплом, так же как у этого костра. Но где-то в середине все равно, хоть без слуха, хоть без мышления, хоть без памя-

ти, хоть с одной ногой – все равно будет жить этот внутренний жар. И где-то в глубине все равно будет наверняка полыхать страсть, я это вижу.

Но это то время, когда уже, как бы ни горело внутри, как бы ни хотелось оживить омертвевшие члены, все равно уже не мочь, все равно не превозмочь своего бессилия, не превозмочь своей невозможности. И, наверное, если вид этого костра у меня вызывает грусть, как чужая смерть, это одновременно то, что я переживу, может, через двадцать лет, может, через двадцать пять, а может, через десять или пятнадцать, а может, через пять...

Судьба костра, этого костра, в основном зависела от меня, а судьба человека не всегда, а часто никогда не во власти человека. И потому сказать, когда я буду напоминать этот костер, невозможно. Но важно, что в естественном потоке жизни я проживу ту же самую судьбу, как и этот костер, который уже превращается в золу.

Когда я смотрю на угасание костра, мне хочется его затоптать. Я думаю иногда, что мне настолько жалко старых дряхлых людей с пустыми глазами, что хочется расправиться с ними так же, как с этим костром. Я не знаю, где жестокость, где мудрость. Где граница между милосердием и жестокостью. Но когда об этом думаю, я понимаю, что сталкиваюсь с теми проблемами, которые мне не суждено решить ни сегодня, ни завтра и, я думаю, ни через десять, ни через двадцать лет. Не потому, что я не знаю, что такое мудрость, а потому, что я знаю, что мудрость жестока. Прежде чем костер умер, очень ярко, очень ясно вспыхнул последний уголек. Мне это напомнило, как душа у человека отлетает: что-то вспыхивает перед смертью. То на щеках, то в общем тоне тела, то в глазах, то в каком-то звуке, то в какой-то мысли, то в каком-то чувстве вспышка эта происходит, и затем остается зола, как сейчас передо мной.

Не знаю, может, сегодня ночью прольется дождь, хотя и не видно, что прольется, и смоем золу, и ничего не останется от этого костра, ну, собственно, так же, как и от человеческой жизни. Когда вспоминаешь, что нас живет более шести миллиардов человек, когда вспоминаешь, что в каждое мгновение умирают тысячи, я думаю: «Бог ты мой! Бог ты мой! Как я могу предать своей жизни хоть какую-то значимость, когда жизнь моя просто отражение круговерти, а может быть, и не жизнь?!»

Зола, может быть, просто летит. Я просто маленький ничтожный отблеск, искорка от жизни человечества.

И то племя, которое уже растет, живет, гуляет, пирует, те уже смотрят на меня как на золу. И хотя я-то знаю, что где-то внутри, много еще энергии, но, смотря на эту энергию, смотря на свое тело, смотря даже на свои розовые щеки, я все равно знаю, как сквозь все это просвечивает зола, которую унесет ветер.

Именно эти «малые смерти» формируют наше представление о смерти как о великом Законе и неотъемлемой составляющей Мирового Жизненного Процесса.

Смерть улыбается нам не только из внешнего пространства, но и ее лик мы видим во внутренних кризисах, потерях, несчастьях, в болезнях и старости, в страдании и тоске. Но это уже не «легкие улыбки» смерти.

Death as a Phenomenon of Human Reasoning and Understanding the World

V. V. Kozlov

Abstract. Doctor of Psychological Sciences, Professor V. V. Kozlov, being an established authority in transpersonal psychology in Russia and one of the founders of integrative psychology, has written a series of papers presenting ideas, attitudes, and myths concerning death phenomenon in the history of mankind and scientific research. Psychological mechanisms of world understanding through death lessons are described. Person's lifetime spiritual quest through the experience of dying state is considered.

Keywords: meaning of life, death phenomenon, dying state, spiritual quest, death psychology, life and immortality, transpersonal experience.

*Козлов Владимир Васильевич
доктор психологических наук, профессор;
президент
Ярославский государственный университет
150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
Международная академия
психологических наук
150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, 9-2
e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru*

*Kozlov Vladimir Vasilievich
Doctor of Sciences (Psychology), Profes-
sor; President
Yaroslavl State University
14, Sovetskaya st., Yaroslavl, 150000
International Academy of Psychological
Sciences
9-2, Pervomaiskaya st., Yaroslavl, 150000
e-mail: kozlov@zi-kozlov.ru*